26.89(2Р-4Кам)
Н82

Эстер Бленда
НОРДСТРЕМ

ДЕРЕВНЯ В ТЕНИ ВУЛКАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "КАМШАТ"

26.89(2Р-4Кам)
Н82

Эстер Бленда

НОРДСТРЕМ

ДЕРЕВНЯ В ТЕНИ ВУЛКАНА

Петропавловск-Камчатский
2000

ББК 84 (4)
Н 82

01113716

Настоящее издание является переводом книги шведской путешественницы Э. Б. Нордстрем, изданной в Стокгольме издательством «Альбери Бонниерс» - Forlag, Stocholm, 1923

Книга издана по инициативе и при непосредственном участии В. И. Борисова и А. А. Каргопольцева, при финансовой поддержке ОАО “Камчаткомагропромбанк”, ООО “Ключевской леспромхоз” и Общественного фонда изучения Камчатки и развития коренного малочисленного населения полуострова.

Перевод с шведского
В. И. Сергеенкова

На обложке картина художника А. П. Мешкова
“XIX век, с. Ключи”

ISBN 5-8440-0044-7

© Нордстрем Э. Б., 2000
© Сергеенков В. И., перевод, 2000

Об авторе

Уже с первых страниц книги Э. Б. Нордстрем «Деревня в тени вулкана» читатель переносится к началу 20-х годов XX века в камчатскую глубинку, а именно - в село Ключи, расположенное на берегу реки Камчатка, у подножья величественного, самого высокого вулкана Евразии - Ключевской сопки. Шведы прожили в Ключах около двух лет. К сожалению, точные даты, причины и цель их приезда на полуостров неизвестны.

Итогом этого путешествия стала настоящая книга.

Быт села, характеры местных жителей и всех тех разноплеменных представителей, которых собрала Камчатка в этом месте после революции, описаны эмоционально, непосредственно и оригинально. Автор сумела очень искусно и тонко подметить необычные, нестандартные бытовые ситуации на окраине России, показать тяжелую, полную приключений и оптимизма жизнь людей и животных, связанных воедино суровой, но невероятно красивой природой. В книге раскрыты тонкие черты русского характера, способность этих людей плакать и смеяться одновременно, мгновенно уходить в себя и неожиданно раскрываться всей душой, всем сердцем. Она поняла, каким горем и болью прокатилось по судьбам этих людей пламя революции, для которых страна вулканов, несмотря на отдаленность и суровость, стала гостеприимным домом.

Вот такая она Камчатка. Была и есть.

Великолепная, многонациональная, трудовая, верующая в свое счастливое будущее.

Обращение к читателям

Надеемся, что эта книга будет интересна широкому кругу читателей, историкам и краеведам. Вероятно, многие найдут в ней имена своих родственников или знакомых. Если это случится или у Вас хранятся какие-нибудь документы или фотографии того времени, просим Вас сообщить нам об этом через издательство. Особо нас интересуют все материалы, относящиеся к Ключевской Троицкой церкви и автору этой книги.

Ничего не может быть таким головокружительно, невыносимо красивым, таким ярким и прекрасным, как эта пустынная, дикая, но гостеприимная земля...

Э. Б. Нордстрем

Ключевская свирепствует, вырываясь вверх из тени. Это, как оказалось, — самый большой вулкан на Земле, и поэтому он выглядел еще выше; будто бы этот неистовый заключенный буйствовал, прикованный к земле, стремясь вырваться в бескрайнее пространство, в дикое небо. Но это никак не удается, и тогда он яростно вышвыривает через кратер клубящийся дым; дым, окутывающий, наконец, небо! Он поднимается и поднимается, и расстилается спокойными солнечными днями сначала в виде гигантского серо-голубого пера прямо поверх макушки вулкана, а затем растекается синевой в виде ленты, как изгибающаяся золотистая дорога эфирной прозрачности. Небесная дорога перед пылающей каретой Земли, дорога перед совершенно маленькими сияющими ангелами, что бродят перед воротами из бисеринок и яшмы.

Это так здорово — переживать те дни, когда Ключевская стоит себе там и сверкает, как улыбка из огнеупорной глины. Все забываешь, кроме того, что жизнь прекрасна и воздух легок, забываешь, что нечто земное, убогое и жалкое может еще быть. Но об этом вспоминаешь снова, когда сверкающая белая вершина там, наверху, окутывается дымчатым покрывалом и скрывается от взора. Тогда все снова становится обычным, таким земным и однообразным. И мы, странствующие на своих двоих, оглядываемся и замечаем, что остановились в грязи деревенской улицы и пристально уставились в небезмятежные небеса. Мы улыбнулись друг другу, слегка озябшие, чуть-чуть дрожа, и сказали:

— Теперь сопка надевает шапку!

А когда сопка-гора надевает шапку, тогда лучшее, что можно увидеть и что может произойти, так это ревущий буран или шумящий снежный шторм, или еще что там будет угодно. Меж-

ду тем мы приходим в себя от предостережения свыше: в воздухе уже гремит и дрожит вокруг, и пройдут еще дни и недели, сине-серая дымовая завеса будет продолжать все окутывать, пока, наконец, глаза снова увидят и небо и землю вокруг.

Ключевская! Ты как снежная королева, а мы — твои верные вассалы. Ты морщинишь лоб и сердишься — и мы впадаем в страх; ты нам улыбаешься — и мы подскакиваем от радости, и хвала тебе вырывается из тысяч глоток. Топнешь ты вокруг — и бежим мы и прячемся в наши маленькие серые избушки, а если ты «зарычишь», говорим тебе озабоченно:

— Сопка сердитая! Гора бранится!

И наши глаза, и наши души наполняются испугом.

Но тебя ничто не заботит, ничто не трогает. Все так же гуляют ветры на твоей блестящей вершине. У ног твоих — маленькие насекомые, они живут своей жизнью в тени твоей и повсюду на земле, они работают, ненавидят, любят и умирают, танцуют и поют, поют и смеются. И плачут, и такие похожие — когда улыбаются. Да, они вполне улыбаются, даже если лицо твое сурово, они славные, улыбки озаряют их, будто твой белый глянец. И в весенние и летние вечера ты словно замираешь на месте, вся обратившись в слух, когда всхлипывают балалайки. Такова твоя мощь, Ключевская.

Глава 1. ДЕРЕВНЯ

Деревня — такая маленькая, бедная, серая. Находится прямо у подножия вулкана и поблизости окаймляется черной спокойной рекой, текущей к морю, которое далеко-далеко отсюда. Двенадцать шведских миль — это довольно далеко*, когда нет ни поезда, ни автомобиля, ни дорог. Деревня называется Ключи, потому что сотни кристально чистых родничков пузырятся кверху у берегов реки и годами несут постоянно ледяную и зеленоватую воду. А в местечке живут почти пятьсот человек, маленьких и взрослых, юных и старых. У людей есть свои земельные участки, свои коровы, свои ездовые собаки, свои лошади, на которых ездят и за которыми ухаживают, и если надо что-либо передать из одного конца деревни в другой, то это проделывают на лошадях, правда, с иной скоростью, чем радиоволны. С каждым годом дома все теснее и теснее лепятся под вулканом,

---

* 1 шв. миля равняется 10 км (здесь и далее прим. переводчика).

потому что при ледоходе река расширяется и края берегов обрушиваются в бурлящий поток с шумом и грохотом. Если дом стоит слишком близко к реке, или на реке необычное половодье, тогда дом тоже проваливается и всасывается в водоворот. Поэтому нужно быть осторожным, чтобы после нового весеннего половодья некоторые части "дворца" не отломились и не поплыли по реке вверх тормашками. Но если это не чересчур далеко, то становится весьма опасно: чтобы не протекло в пролом дома или сушильню.

На Камчатке есть управляющий по передвижению населения, который не особенно идет навстречу людям. Перенос дома — это одно, а паводок — совсем другое, дом рассчитан на десять лет, но если простоял пять, то он еще считается добротным строением. Перенести дом подальше от поймы реки почти невозможно — это рабский труд. А Камчатка — прекрасная страна лености и оптимизма.

Кроме наличных пятисот душ, лошадей, зерна и собак, — в Ключах есть и многое другое. Вот, например, церковь со своими иконами и гипсовыми фигурками, она такая яркая и пестрая, что на солнце ослепительно сверкает, как настоящее золото. При церкви находится поп, что придает Камчатке наших дней нечто совершенно своеобразное и великолепное. Во всяком маленьком захолустном городке есть, наверное, своя церковь, но едва ли в каждой из них есть и поп, который там служит. Прямо как некогда в старину! В больших населенных пунктах архимандриты, епископы и прелаты столь высоки, и их имена столь чудны, что, лишь перекрестившись, можно только подумать о них. Здесь же все не так. Почти повсеместно церкви были закрыты и с каждым годом все больше разрушались, патриархи исчезли, и лишь кое-где осталось немного попов. Русское государство отлучило церковь, и тем немногим оставшимся слугам господним пришлось рабским трудом и библейским потом зарабатывать на свой скудный хлеб. Получаемый мизерный заработок, редкие подаяния, жалкие монетки, преследования и гонения со стороны представителей советского правительства; так что все, что у них осталось, это непритязательная стойкая скромность и вера. Но верующие есть, и их ни так уж мало, как хотелось бы власти.

В Ключах, как уже сказано, есть и поп и церковь. И колокольня тоже, с восемью разными колоколами от маленьких— маленьких, которые звучат как санные бубенчики, до огромных, почтенных, которые говорят: бо-о-ом! и сразу как бы теп-

леет в воздухе. Звонят всегда во все восемь по разу, и требовался мастер, который привязывал веревки к своим рукам, ногам и локтям, чтобы создавать целое сплетение звуков. Но только истинный мастер знал именно те сочетания, которые создавали небольшой концерт в такте вальса, польки или марша. И сразу же все узнавали, кто именно звонит. Когда это был, например, Степан Иванович, можно было подниматься и танцевать мазурку или краковяк, звон звучал часто-часто, один за другим, как легкий смех; но когда это был Николай Петрович, тогда все звучало так жалобно и мрачно, что тотчас же хотелось плакать. В Судный день меньше всего было всем до смеха. И мы полагали, что тогда звонил именно Николай Петрович. Без сомнений.

Поп отправился в церковь средь своей «отары овец», кроткий, и тихий, и улыбающийся. К нему обращались: “Батюшка”. Его длинный повседневный кафтан, который путался в ногах, был вообще-то темно-зеленым от ветхости; длинные тонкие волосы прелестно завивались и были немного засалены на плечах; а лицо, мягкое и приятное на вид, украшалось кудрявой светло—коричневой бородой и грустными голубыми глазами. В ежедневии в нем не было ничего от его служебного положения. Он так спешил выполнить всю возможную работу, ради обеспечения средств к существованию, что у него не хватало времени без спешки ходить красивым и элегантным: кафтан его развевался при каждом шаге, так лишь мелькали ступни и подметки. Он маршировал так, что волосы разлетались в стороны, как развевающийся флаг, а кафтан как бы взмахивал крыльями и летел, и всем, кому не лень, были видны его ужасно бедные латаные сапоги и рваные подметки. В самом деле, случалось, что его поспешность бывала неуместной, он едва находил время взмахнуть рукой для благословения, когда тот или иной из собравшихся крестился в глубоком поклоне, когда кто-то оборачивался и чмокал поцелуем его серовато-грязную руку.

Но взгляните на него в церкви! Блестящий, в золоте и серебре, он благословлял приход, и, когда медленно размахивая кадилом, тихо обходил вокруг, и кланялся перед всеми иконами, и нагибался вперед, чтобы поцеловать их, — тогда не видно было никаких подметок, волосы его были приглажены и блестящи на макушке и плыли по плечам мягкими локонами. Когда он ступал вперед, а прихожане опускались на колени перед его властью и господством, пение подымалось и снижалось в невыразимой сладости. В лице его в самом деле было нечто от лика Христа, и когда он, как подходил соответствующий момент, молча-

ливо застывал перед алтарем, оборотясь к своей пастве, когда мягкие русские голоса сплетались один с другим в звонкой гармонии тогда всех охватывало ощущение истинного богослужения. Впечатление достигало высшей степени, когда он затем раскрывал рот и в непостижимо головокружительном темпе скороговоркой произносил длинный странный поток фраз на старорусском*, которые определенно не принадлежали ему и из которых прихожане, наверное, не понимали ни слова. Его голос казался женственно мягким и к тому же чуточку визгливым, но это, быть может, и придавало ему ту истинность, которая впечатляет так, что и в словах отпадает нужда.

Но когда он в заключение предстает перед входом, обращенный ко всем верующим, блестя и сияя золотом и серебром, с чашей со святыми дарами, высоко поднятой в руках, в бликах восковых свечей вокруг сияющей рясы и мягкого спокойного лица, ах, Батюшка, ты нам послан Богом! Тогда забывают, что на следующий день ты снова будешь обычным смертным в изношенных одеждах и дырявых сапогах, несчастный бедный человек, странствующий в уличной грязи с мешками и рыболовной сетью на спине.

Глава 2. УЧИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬНИЦА

В Ключах есть и школа. Большая, довольно светлая, вполне обычная на вид. Вовсе не обязательно ходить туда, по крайней мере, так стало еще три года назад**, уроков как таковых нет, и непосещение не наказывалось, но, во всяком случае, школа есть. Советы делают все возможное, чтобы не было безграмотных — по заслугам и честь, но что касается самого обучения, которое ведется, то оно в морально-нравственном отношении предстает для нас в каком—то непостижимом направлении, но все же и это — преподавание. Там учились писать и читать, во всяком случае, не прошедшие обучение могли индивидуально осуществлять свое право на образование.

В школу в Ключах приходило много детей. Маленькие, хихикающие, громко разговаривающие, сопящие и совершенно оборванные ребята, которые учились читать, уставившись в книжку, и выписывать удивительные каракули на языке своей стра-

---

* Так в тексте, правильно: церковно—славянский.

** Вероятно, имеется в виду 1917 год.

ны. И которые с видом определенного превосходства посматривали свысока на своих родителей, не умеющих различать буквы. По меньшей мере, две учительские силы заботились об обучении, что в условиях Камчатки казалось поистине нечто грандиозным. Не будем говорить о Петропавловске, столице, ибо там есть одна школа, такая большая и исключительная, что могла бы служить эталоном почти повсюду в Европе, но чтобы такое было в какой-то деревне — два учителя — это совершенно беспримерно. На Камчатке учителей нехватка, обычно это русские, и среди них совсем немного таких, которые бы по своей воле отправились в изгнание так далеко от мира и шума жизни.

Но в Ключах были и учитель, и учительница. Они жили в части того же дома, где и школа, у них было общее домашнее хозяйство и одно общее помещение, где питались. Оба были женаты. Но не друг с другом. Жена и семья школьного учителя жила во Владивостоке, и это пояснял их портрет на стене. Муж учительницы жил где-то в другом месте — все равно в каком, потому что это мне так никогда и не стало известно. Школьный учитель и учительница ненавидели друг друга. Глубоко, неприкрыто, беззастенчиво, с силой и жаром.

Почему? Не спрашивайте меня — я ничего не знаю. Не спрашивайте в деревне — там тоже ничего не знают. Какая бы ни скрывалась здесь причина, истине соответствует лишь то, что они делали все, чтобы придавать жизни друг друга "разнообразие и интерес", что демонстрировалось всей деревне и вызывало жгучее сочувствие. Он был глубоко умудренным, сложившимся мужчиной, что постепенно обнаруживалось. И он столь сильно желал приобщиться к серьезному природоведческому изучению, что это толкало учительницу упражняться... в игре на скрипке. Она находилась в первой стадии учебы и вытягивала столь мучительные звуки, какие не могло бы вынести никакое земное ухо. Школьный учитель жалобно стонал, и сквернословил, и жаждал мести. Он затыкал дымовую трубу с ее стороны дома, тогда дым выходил клубами в ее комнате и пресекал все музыкальные наслаждения учительницы. Тогда он появлялся в деревне и стонал:

— Она — сатана! Она — дьявол! Черт ее побери!

Это облегчало. Примерно пятьдесят стаканов чая, поглощаемых в разных домах, тоже облегчали. Когда он немного приходил в себя, дом уже стоял мрачным и темным в зимнем вечере. Дверь была широко распахнута, и раскрыто столь много окон, что хотелось открыть еще. Дрожащий от холода школьный учи-

тель заползал в свою ледяную постель. Радуюсь, что не могу воспроизвести то, что он говорил. Учительница же ночевала у своего приятеля.

Как уже сказано выше, школьный учитель был уравновешенный, умудренный человек. Достаточно лишь взглянуть на его тяжелые роговые очки и увидеть за ними определенно раскосые светло—голубые глаза, чтобы все стало понятным само собой. “Цейсс”ы* могли бы по-разному отражать его образованность, но вряд ли изменяли его самого. Он был настолько учен, настолько высок над толпой, что позволяло ему всякий божий день, летом и зимой, вытаскивать часы, а за ними и компас, чтобы каждый во дворе мог узнать, который час и каково направление. И удивление заключалось лишь в том, что без необходимого излишества, разве что с помощью лишь одного компаса, карандаша и клочка бумаги можно было определить, который сейчас час! Люди толпились вокруг него, пожимали плечами, и бормотали:

— Ах, такой мастер! Мастер, черт его побери!

Он пожимал протянутые к нему руки с тем же блеском в очках и приговаривал:

— Это ведь нечто железное, что есть у всякого из вас, так сказать, давно заложенное.

Железо? Быть может, он спрашивал, есть ли железо в нем самом. Или сталь? Все это происходило во время нескончаемых бесед, пока не находился кто—то, кто бы, не имея в руке финки, мог бы без всякого прервать эти дискуссии.

— Посмотрите, — говорил школьный учитель, — это ведь очевидно, что поблизости есть железо. Только приблизьтесь. Может быть, пройдет много секунд, даже минут, чтобы в этом убедиться, гляньте.

Секунды! Минуты! Да ведь все мы гоним их прочь, тьфу, чтобы их не было, вовсе не задумываемся ни об одной из них, пока не взглянем на часы. Тогда лишь они становятся для нас значительными. Для него же, школьного учителя, это было нечто значительно большее, чем просто разговор обо всей вместе взятой текущей жизни. Просто мираж, что он сам собой представлял со своим компасом, и со своими часами, и со своим солнцем, и со всем прочим! Да и по всей Камчатке ему нет равного, кто мог бы быть столь уверен и надежен.

---

* Очки. Karl Zeiss, Jena — Карл Цейс, г. Иена, реномированное производство оптики в Германии.

В заключение он все-таки настраивал по компасу свои часы, чтобы было все точно. Он посматривал на часы, на компас, затем вытаскивал свой карманный будильник и точно сверял. Это походило на священный обряд. Затем он засовывал, дрожа, карманные часы обратно, застенчиво и благодарно.

— Сколько? — раздавался какой-то плебейский голос сверху, — может, уже поздно?

— Тринадцать минут одиннадцать секунд, — только лишь мог ответить школьный учитель и так демонстративно ударил по карману, что грубая материя даже слегка разорвалась, но все представлялось присутствующим точным и твердым.

— Тринадцать минут одиннадцать секунд, — повторил грубый голос, принадлежащий плотному, невзрачному индивиду в достаточной степени алкогольного опьянения, который лишь хотел, может быть, узнать — в чем, в сущности, дело. Ничто его не останавливало, Ваню, ни Бог, ни городская полиция, ни высочайшие дела, такие, как школьный учитель и настоящее положение.

— Тринадцать минут одиннадцать секунд, — проорал он снова, — благодарю Марину Константиновну. Она разбудила меня завтраком в ваши одиннадцать и тринадцать. Гаспардин, гаспардин — боже мой, боже мой! Да в одиннадцать секунд же!

И он неуклюже подскакивал, носился вдоль деревянной улицы и хохотал в высоты неба отвратительным и необразованным способом. Школьный учитель смотрел ему вслед, морща лоб, и как бы вслушивался в хохот, катившийся позади подпрыгивающего Вани, или в хихиканье оставшихся. Он был уже где-то далеко-далеко отсюда. Но когда он говорил, что публике пора расходиться по домам, то бросал один взгляд на свои часы, вздыхал и покачивал головой.

— Только представьте себе один час и полминуты раньше вчерашнего дня, — вполне мог бы он сказать. — Сегодня вечером мы продвинулись вперед.

Затем он ступал в своих прекрасных скрипучих сапогах на первую ступеньку крыльца, и вся публика расходилась.

Они такие сердечные, милые, право же, и в одиннадцать часов дня, и в одиннадцать вечера. Что ими движет? Они встают, когда светает. Они едят, когда голодны. Они спят, если хочется спать. Но в большинстве своем они все тут, когда на часах одиннадцать. Да и не точно одиннадцать, а на тринадцать минут и одиннадцать секунд больше! Эти секунды мне импонируют. Все они такие взрослые люди, дикие, молодые, дурашливые и ста-

рые, грубые, но перед этими секундами, которые школьные учитель отсчитывает пространственным взглядом и с глубокой важностью за очками, перед ними они становятся детьми, превращаются в маленьких любопытных нерешительных младенцев, которых внезапно охватывает нечто, подобное мрачному, ошарашенному предчувствию всего того, о чем они не ведают: о вещах и понятиях, учении, которое их сердца не в силах уразуметь и усвоить. Они смиренно застывают, в стеснительном уважении перед этим школьным учителем, его маленьким компасом и его часами, именно он сейчас представляет им мистику всего мирового пространства: движение звезд, солнечный свет, загадочный диск луны. Это наводит их на раздумье, прямо—таки как землетрясение в их духовном мире. Что же касается Вани, который над всем насмехается, единственное, что он смог, так это заключить с глубоким уважением:

— Учитель — ну он-то все знает!

Да, школьный учитель умудрен и много знает. Он больше, чем волшебник.

Летом, например, когда он выходил и расхаживался, то зачастую случалось: встретит кого—нибудь и побеседует самую малость. А зачастую бывало, что останавливаются, закуривают вместе, чтобы обменяться мыслями, не считая "добрый день" и "как поживаете". И стряхивают пепел в сторону, и дымят сигаретами в совершенной тишине и спокойствии, в то время, как солнце светит тепло, вулкан клубится и изрыгает все то, что у него внутри, наружу. Когда сигарета погаснет, очередной камчадал, или русский, или китаец, или кореец, или какой—либо другой нации, ибо в Ключах полно различных вариантов раритета*, он вытаскивает изо рта окурок и с глубоким пониманием первый отдает почтение школьному учителю. Но учитель лишь вяло взмахивает рукой. Вынимает свои очки и осматривается! Поднимает одно из стекол очков на солнце, сигарета задымится, он с удовольствием затягивается и выпускает затем дым через рот. Сигарета горит, и учитель спокойно снова надевает очки. Словно речь шла ни о чем. Абсолютно ни о чем.

Таков был школьный учитель в Ключах. Звали его Дмитрий Кириллович.

---

* Раритет (raritet), редкость.

* * *

А это — учительница. Ей было 24 года, против 44-х школьного учителя, и у нее было лицо Мадонны. Интеллигентность ощущалась в ее глубоких карих глазах под широким сводом лба. Она прелестно выглядела, ежели пребывала в добром настроении. В ней угадывались и определенное легкое горе и добрый дух, она хотела бы познать все, умела многое. Она была как бездонный колодец, который не вычерпать. Она была музыкальна — а какой русский не музыкален! — и обладала голосом, способным тебя растопить; лишь одним княжеским мановением руки она могла все прекратить и поставить точку, так что ученики просто обожали ее. Она учила их петь в хоре, и зачастую это была именно та земная музыка, которая их захватывала, их — таких маленьких, черноглазых, оборванных, грязных ребят, с такими чистыми голосами, какие были у них, когда они вместе запевали в хоре! Приходило ощущение, когда к ним прислушаться, что звук взлетает, возносится все выше и выше, пробиваясь сквозь черную пелену. Именно этим чистым детским голосам все доступно.

У Елизаветы Харлампиевны было две крайности. Разумеется, их имелось гораздо больше, но абсолютно точно и определенно выделялись две основных. Одной была та, когда она пребывала в добром настроении, и тогда ни неимоверно сильная тоска и жалость по России, ни возмущение от школьного учителя, ни что—либо другое не могли его разрушить. Другая крайность — состояние, когда она пребывала в скверном настроении, и тогда тоска по родине наваливалась на нее так тяжело, что все окружающее и окружающие приводили ее в бешенство. Когда она чувствовала себя довольной, она была голубушкой, маленьким голубем. Но когда бывала недовольна — становилось опасно и видеть и слышать ее. Тогда ее глаза вспыхивали, маленький рот становился еще меньше и принимал выражение обнаженной жестокости. Один лишь такой взгляд мог остановить каждого. Лицо ее становилось белым, как мел, и она так сильно сжимала руки, что я видела кровь в образующихся морщинах. Было ясно, что она уносилась далеко—далеко от понятных ощущений человеческой жизни.

Она была фанатичкой! Большевистским фанатом! Красное, красное, красное — это гремело, сверкало, низвергалось и трещало. Прочь Бога — нет никакого Бога! Прочь Церковь! Прочь все! Все во всем мире — несведущие, все — куча негодяев; прочь, прочь, прочь!

Она разговаривала сама с собой крайне взволнованно, бормоча и спрашивая сама себя, ее белые зубы жаждали схватить кого или что-либо и — вгрызаться, кусать. Ее карие глаза становились глазами безумца, а лицо — все белее и белее. Спаси меня Бог! Она стоит у меня перед глазами такой, какой увидела на одном вечере танцев. Небольшая сумрачная сбитая изба, немыслимая лампа, толпа и тесное пространство, а в центре стоит она, как дичь, как загнанный зверь, и кричит: “Прочь, прочь!” — и эхом звенят гитары и балалайки. Лицо белело как гипс на фоне мрачных стен, а глаза — пара разверзших колодцев. Не могу себе представить, как долго это длилось, но что—то влияло в какой—то момент на музыкантов, и они дотрагивались до струн и издавали пару аккордов — из песни, из старой любовной мелодии. И тогда она замолкала. Она опускала руки, рот выпрямлялся, глаза становились легкими, она откидывала голову и — запевала. Это было то же самое горло, которое всего лишь мгновение назад изрыгало хриплые, безумные, полубрутальные звуки, сейчас же звучали явно созидательные ноты.

Боже мой, как она пела, эта девушка! Мы стояли вместе со школьным учителем, он своим ученым лицом напоминал своего рода свободного чиновника. Ах, сейчас она была никакая не сатана, никакой не дьявол! Сейчас она превратилась в голубушку, маленького голубя, — с лицом Мадонны и голосом небесного ангела. В этой мертвой тишине он, голос, поднимался и рос в обрамлении дребезжащих балалаек и гитар. Кому вздумается сейчас метать молнии, сдавливать рот и сжимать зубы?

— Голубушка, — восклицали благочестивые старые прихожане из Ключей, мгновенно позабыв в этой звездной ночи обо всех богохульствах и проклятиях, вылетавших из тех же уст!

Такова была учительница в Ключах. Звали ее Елизавета Харлампиевна Попова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 5
Глава 1. ДЕРЕВНЯ 6
Глава 2. УЧИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬНИЦА 9
Глава 3. РАЗНЫЕ ТЕЛЕСНЫЕ БОЛЕЗНИ 15
Глава 4. СПЕКТАКЛЬ 21
Глава 5. ПРАЗДНИК 24
Глава 6. СЕРАФИМА И ФЕДОР 29
Глава 7. АГАПИЯ 34
Глава 8. СЕРГЕЙ И ИМИЛИЯ 37
Глава 9. ИДЕТ ТОРГОВЛЯ 41
Глава 10. ОХОТА 48
Глава 11. МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА В ДЕРЕВНЕ 53
Глава 12. ДРУЗЬЯ 57
Глава 13. СОБАКИ 66
Глава 14. СЕРАФИМА УХОДИТ ОТ СВОЕГО МУЖА 75
Глава 15. АНАСТАСИЯ ПЕТРОВНА 81
Глава 16. ОБ ОДНОЙ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКЕ 86
Глава 17. ВАСИЛИФФ, ОН 91
Глава 18. ТЕМНОТА И ХОЛОД 96
Глава 19. ПОЕЗДКА С ЗУБНОЙ БОЛЬЮ 103
Глава 20. КАК ДЕРЕВЕНСКИЙ ФОТОГРАФ 112
Глава 21. ПИРАНДЕЛЛО МРАЧЕН 122
Глава 22. МЫ ЕДЕМ ЗА САРАНКОЙ 129